

Рец. на: Д.А. Аманжолова. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920—1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.

Svetlana Kovalskaya

(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan)

Rec. ad op.: D.A. Amanzholova. Sovetskiy proyekt v Kazakhstane: vlast' i etnichnost'. 1920—1930-ye gg. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870013462-9

Научная актуальность и практическая необходимость изучения процесса взаимовлияния власти и этничности в Казахстане давно назрели. Теория нациестроительства выросла из политической и социальной практики конца XIX—XX в., в это же время казахская степь прямо или опосредованно также оказалась втянутой в общемировые процессы и мировой рынок. Поиск собственного пути на этапе распада Российской империи и выработка национальной модели государственного развития, приход к власти большевиков и упрочение советского государства — вот основные вехи данного хронологического отрезка. Идея автономизма, к которой пришли казахские политические лидеры, оказалась «наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов казахского образованного слоя в условиях революции и Гражданской войны» (с. 29). Однако обстоятельства сложились так, что реализовать проект до конца они не смогли. Им пришлось признать советскую власть, которая не просто предложила, но и помогла реализовать задуманное, правда уже в большевистском формате.

В исторической науке Казахстана одной из ведущих тем исследований является анализ состояния общества в самых разных контекстах: общественно-политическом, этнодемографическом,

этносоциальном, этнокультурном, религиозном, что прямо или опосредованно связано с поиском национальной идентичности и выработки самостоятельного пути развития. При этом основное внимание сосредоточено на изучении рубежа XIX—XX вв., формировании и судеб казахской интеллигенции, истории партии «Алаш» и правительства Алаш-Орды, репрессий в отношении национальной элиты в 1930—1940-х гг., голоде 1932—1933 гг. Происходит активное возвращение вычеркнутых, забытых или утраченных имён, что существенно расширяет галерею исторических портретов. Но на этом изучение истории казахской политической элиты, как правило, и заканчивается. При этом отношение к казахским советским и партийным деятелям, таким как С. Сейфуллин, Т. Рыскулов, А. Джангильдин и др., во многом остаётся неизменным, хотя анализ их деятельности также требует новых подходов. Имена антигероев, в свою очередь, в основном из числа тех, кто приехал извне, — Ф.И. Голощёкин, Л.И. Мирзоян, Г.В. Колбин и др. К сожалению, это лишь подтверждает этническую избирательность, а также изначально негативную позицию по отношению ко всему советскому в ущерб аналитике и зачастую в угоду сиюминутной политической конъюнктуре. Простая замена «плюса» на «минус» в исключи-

тельно оценочных суждениях сейчас уже не может удовлетворить взыскательную научную публику.

Монография Д.А. Аманжоловой «Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920—1930-е гг.» — яркий пример научного, неангажированного подхода. Такова, впрочем, вся предыдущая деятельность автора, связанная со скрупулёзным изучением этнического и религиозного факторов в формировании и эволюции Российского государства, национальной политики, становления представителей казахской интеллигенции рубежа XIX—XX вв., их судеб и общественно-политической деятельности. Научная библиография автора включает в себя ряд монографий, значение которых для понимания перипетий общественно-политической жизни казахской степи указанного периода трудно переоценить¹.

Рассматриваемая монография — фундаментальный труд, основанный на документах, хранящихся в ГА РФ, РГАСПИ, РГВА. Привлечены также материалы Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан, Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, Государственного архива Актюбинской области, Государственного архива Жамбылской области. Использование этих источников позволило проследить формирование советской и партийной элиты из числа казахов, выявить результаты реализации большевистского и затем советского проекта. Аманжолова пришла к выводу, что, несмотря на все усилия, «власти в целом не удалось разрушить многовековые практики внутриэтнических взаимоотношений, прежде всего нормативного и регулятивного свойства, в том числе внутриэлитного взаимодействия по вертикали и горизонтали» (с. 88). Эта идея проходит «красной линией» через всю монографию.

Определены теоретико-методологические ориентиры казахстанской историографии, посвящённой изучаемой проблематике. Подчёркивается, что значительная её часть сформировалась «под сильным влиянием “тоталитарной школы” советологов» (с. 14). Это, на мой взгляд, многие исследователи как бы стесняются признать открыто (Б.Г. Аяган, М.К. Койгельдиев, Ж.У. Кыдыралина, Ж.З. Марданова, М.Б. Татимов и др.). Вторым методологическим ориентиром справедливо названа теория модернизации (Ж.Б. Абылхожин, А.У. Джандосов, Б.О. Жангуттин, М.Т. Лаумулин и др.).

В названиях разделов монографии активно используются лексика или фразы из архивных документов или текстов изучаемого периода, что сразу привлекает внимание. Невозможно пройти мимо «попыток “обкиргизить” Оренбург» или не разобраться в том, как занять «командную должность по ответственной ставке». А название раздела «Этот аппарат для тощего бюджета Казакстана дороговат» переадресует нас в современную эпоху, заставляя задуматься о происходящем.

Монография состоит из десяти разделов, в которых раскрывается процесс реализации в Казахстане советского проекта. Аманжолова изучает его сложнейшие перипетии через призму формирования партийных кадров, передислокации столицы, политики коренизации и проблемы употребления казахского языка управленческой верхушкой новой советской республики. Попутно она вносит существенные коррективы в иконографию первых политических лидеров, во многом опираясь на характеристики, данные их современниками. Многим будет удивительно прочесть про «политическое жульничество» А. Байтурсынова и М. Тунганчина, «политический карьеризм» А. Джангильдина и Б. Каратаева, а также про обвинения во взяточничестве и злоупотреблениях

властью последнего и, напротив, о личной честности С. Мендешева. Вообще наличие неоднозначных характеристик личностей и событий вызывает огромное уважение к автору, которая не боится называть вещи своими именами. К сожалению, возможно, что из-за этого монография вызовет негативные отклики отдельных представителей казахстанской исторической науки, настроенных достаточно националистически. Однако выверенность и отточенность научных аргументов, источниковая и историографическая основа исследования говорят сами за себя.

Очень подробно проанализированы противоречия между так называемыми русской и казахской частями ревкома и последующих структур власти, которые существенно мешали работе. Прослежены сложности существования тогдашнего Казахстана в трёх административных единицах — Сибири, Туркестане и Киргизском ВРК. Особенное внимание уделено процессу внутриэтнической консолидации: его незавершённость проявлялась в поведении политической элиты. Национально-территориальное размежевание 1924 г. и переезд столиц повлекли за собой активные процессы смены элит и т.д. Номенклатурные возможности и личное корыстолюбие превращали любой пост в синекуру. Административный ресурс подкреплялся прежними социальными связями, выстроенными на родовых и жузовых основах, поэтому борьба за власть не прекращалась ни на минуту. Уже начиная с 1919 г. центральное советское руководство вызывало «на ковёр» представителей новой казахской элиты, а те, в свою очередь, пытались снять с себя персональную ответственность за очевидные сложности националстроительства и групповые дрязги. Это стало веской причиной направления в советский Казах-

стан «европейских» руководителей: С.С. Пестковского, И.А. Акулова, Г.А. Коростелёва, В.И. Нанейшвили, Л.И. Мирзояна, Ф.И. Голощёкина. Внутренние противоречия, которые раздирали тамошнюю партийную и советскую элиту, привели к тому, что советский Казахстан стал своего рода «импровизационным полигоном в истории столичной географии». Именно со сложнейшим процессом националстроительства и советизации КАССР связывает автор «перекочёвки» её столицы, добавляя, что «сам кочевой характер организации общества с его перманентной мобильностью как будто “оправдывал” перемещения столицы вплоть до окончательного и экстремального, трагического для народа перехода к оседанию вследствие коллективизации» (с. 412).

Крайне интересен и важен анализ языковой политики, в которой совместились «ликвидация безграмотности, расширение сферы коммуникации национальных языков и обеспечение равенства народов» (с. 332). Отмечена роль Т. Жургенева, особенно в составлении набора международных терминов, которые предлагалось не переводить. Подчёркивается, что «языковая и культурная социализация новых поколений управленцев происходила при отсутствии личной памяти о предшествующей письменности», а «функционально более слабый язык вытеснялся в менее важные и престижные сферы общения» (с. 344). Прослеживается, как карьерные интересы стимулировали изучение русского языка, и т.д. Многие из того, что было актуально в языковой сфере в начале XX в., спустя сто лет снова обрело значение. Только уже не в соотношении казахский—русский, а казахский—английский; политика полиязычия, активное внедрение английского языка и перевод казахского на латиницу и т.д.

Замечаний к монографии немного. На мой взгляд, стоило бы уделить больше внимания характеристике источников, которые разнообразны и во многом уникальны. Например, особый интерес вызывает ф. 17 РГАСПИ. Хочу порекомендовать автору подготовить книгу по повседневности советских и партийных деятелей Казахстана.

В заключение ещё раз подчеркну своевременность и значимость монографии Аманжоловой с позиции новейших теоретико-методологических подходов, позволяющих по-новому раскрыть сложнейшие вопросы нашей истории начала XX в. Она предлагает новую исследовательскую «оптику», существенно расширяет горизонты анализа формирования советской и партийной номенклатуры, осуществления коренизации и языковой политики, собирания территории и

передислокации столицы Казахстана — всего того, что составляет суть политики нациестроительства. Работа знакомит с уникальными архивными документами, обширной российской, казахстанской и зарубежной историографией, демонстрирует авторский взгляд. Это фундаментальный труд, который вносит весомый вклад в изучение такой многогранной темы.

Примечание

¹ Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993; Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994; Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009; Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920—1930-е гг. М., 2010; Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы, 2013.

Владимир Владимиров

Рубежи междисциплинарного исторического направления*

Vladimir Vladimirov

(Altai State University, Barnaul, Russia)

Frontiers of interdisciplinary historical direction

DOI: 10.31857/S086956870013463-0

Изменения в наукометрических подходах последних лет обусловили некоторое уменьшение интереса исследователей к написанию монографий. Между тем именно они в гуманитарных науках позволяют не только поставить и решить научную проблему, но и выявить траекторию движения того или иного исследовательского направления, показать итоги и значение определённого периода развития, наметить перспективы дальнейших изысканий. Всё это в полной мере от-

носится к книге И.М. Гарсковой, посвящённой осмыслению роли и места исторической информатики в современной исторической науке, её достижениям и проблемам, а также итогам развития за более чем 25-летний период существования.

Отмечу, что автор представляет исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова — «колыбель» российской исторической информатики. Здесь публикуются научные труды,

* Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с., ил. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 130. Сер. II. Исторические исследования, 75).